

*Моей племяннице Сильви,
маленькому супергерою*

Любовь необыкновенная так реальна в темноте.
Подумай о том нежном, что было между нами.

«Simple Minds»¹

¹ Строчки из песни музыкальной группы «*Simple Minds*».
(Здесь и далее прим. пер.)

Тогда

Школа Тэптон, Шеффилд, 2005

«Ты меня любила — так какое же ты имела право оставить меня?.. Когда бедствия, унижения и смерть — все, что могут послать Бог или дьявол, — ничто не в силах было разлучить нас, ты сделала это сама по доброй воле. Не я разбил твое сердце — его разбила ты; и, разбив его, разбила и мое»¹.

Мой самый неотесанный одноклассник, Дэвид Марсден, поднял глаза и вытер подбородок о рукав. Он прочел отрывок из готического романа Эмили Бронте с такой же интонацией, как читал бы меню в пиццерии. Если ты тинейджер мужского пола, тон непременно должен быть бесстрастным. Иначе другие тинейджеры мужского пола будут называть тебя слабаком.

Воздух в классе спертый и липкий, как всегда в преддверии летней жары. Уже в середине дня кажется, что одежда на тебе грязная. В нашем приземистом здании шестидесятих окна наполовину открыты. Вентиляция бедняков! Со школьной площадки доносятся веселые крики.

¹ Эмили Бронте. «Грозовой перевал». Перевод Н. Вольпин.

— Спасибо, Дэвид, — сказала миссис Пембертон, когда он закрыл свою книжку в мягкой обложке. — Как вы полагаете, что имел в виду Хитклиф в этом отрывке?

— Он хамит, потому что ему ничего не светит, — ответил Ричард Харди, и мы заржали. Но не только потому, что благодаря его высказыванию откладывалась академическая дискуссия. Ведь эту шутку отпустил сам Ричард Харди! Слышалось невнятное бормотание, но никто так и не ответил на заданный вопрос. До выпускных экзаменов оставалось шесть недель, и в общем настрое преобладали радостное волнение от грядущей свободы и паника от ожидавшей расплаты. Персонажи этого романа с их переживаниями начинали действовать нам на нервы. Нам бы их заботы!

— «Так какое же ты имела право оставить меня» — от этого слегка бросает в дрожь, не так ли? — вымолвила я. Судя по всему, никто больше не собирался нарушить затянувшееся молчание. Миссис Пембертон может рассердиться, если будет продолжаться в том же духе, и увеличит домашнее задание. — По-моему, мысль, что Кэти должна была остаться с ним, а иначе *заслуживает* того, чтобы быть несчастной... несколько... бэ...

— Интересно. Так ты считаешь, что Хитклиф не прав, утверждая, что, отказавшись от своих чувств, она погубила жизнь обоих?

— Вообще-то... — я делаю паузу, собираясь с мыслями, — тут дело в том, что ее любовь к Хитклифу — как скалы. Она постоянна, но не доставляет Кэти удовольствия. — Я произношу это скороговоркой из-за неминуемого веселья, которое вызовет слово «удовольствие». — Ведь эта любовь вряд ли принесет много радости? Главное — обязательство Кэти перед ним.

— Может быть, тогда их взаимная любовь не традиционно романтична, а глубока и стихийна?

— Она, конечно, мысленная, — произносит мужской голос. Я бросаю взгляд в ту сторону, и Ричард Харди мне подмигивает. Мой пульс учащается.

У нашей учительницы досадная манера принимать меня всерьез и заставлять по-настоящему думать. Однажды она задержала меня после урока и сказала: «Ты принижаешь свой интеллект, чтобы вырасти в глазах одноклассников. За стенами этой классной комнаты широкий мир, Джорджина Хорспул, и оценки на экзаменах для тебя важнее, чем их смех. Хорошенькие личики тоже стареют, знаешь ли».

Я пришла в ярость — такую ярость вызывают люди, которые абсолютно справедливо обвиняют тебя в чем-то. (Правда, мне было очень приятно услышать слова «хорошенькое личико». Я не считала себя хорошенькой. А состарюсь я еще через сто лет.)

Шепот прошел по классу, и всем явно было наплевать на «Грозовой перевал».

Миссис Пембертон, почувствовав, что внимание класса может отвлечься от Бронте, бросила свою гранату:

— Я решила, что вам нужно поменяться местами. Думаю, что, сидя за одной партой с друзьями, вы вряд ли способны сосредоточиться.

Она начала переходить от парты к парте, пересаживая некоторых, что вызвало ворчание. Я была уверена, что смогу отвертеться.

— Джоанна, можешь остаться на своем месте. А ты, Джорджина, пересядешь вперед.

— Что? Зачем?

Весь первый ряд занимали паиньки. Как это несправедливо!

За парты рассаживались в соответствии с неписаными, но строгими правилами. Зубрили и чудачки сидели в первом ряду. Середнячки, которые работают ради хороших оценок — как я и Джо, — в среднем ряду. На задних партах располагались крутые: такие как Ричард Харди, Александра Кейстер, Дэниел Хортон и Кейти Рид. Ходили слухи, что Ричард и Александра, типа, встречаются. А вроде бы и нет — потому что крутые.

— Давай же, пересаживайся.

— О, *мисс*!

Я поднялась с тяжелым вздохом и принялась очень медленно складывать в сумку тетради и ручки, чтобы подчеркнуть свое нежелание подчиниться.

— Ну вот. Я уверена, что Лукас будет тебе рад, — сказала миссис Пембертон, указывая на мое новое место. Ни к чему было произносить эту фразу, которая вызвала смешки.

Лукас Маккарти. Незвестный, который был замкнутым, как все будущие убийцы. Не отверженный, но и не из тех, кого я бы выбрала сама.

Он худой, с острым подбородком, и это придает ему какой-то голодный вид. Лукас ирландец, о чем свидетельствуют черные как смоль волосы и бледная кожа. Некоторые шутники называли его Джерри Адамс¹, но только не в лицо. Потому что его старший брат из тех, с кем шутки плохи.

Лукас с опаской смотрел на меня темными серьезными глазами. Я ощутила его настороженность: унижу ли я его своим презрением при всех? Будет ли это мучительно? Нужно ли держать оборону?

¹ Джерри Адамс (род. в 1948 г.) — ирландский политик и государственный деятель.

Заметив его тревожный взгляд, я вдруг увидела себя со стороны. Значит, я похожа на того, кого стоит опасаться.

— Прости, что обстоятельства вынуждают меня навязываться тебе, — сказала я, усаживаясь за парту. И почувствовала, что напряжение чуть уменьшилось. (Мне нравится использовать в речи высокий стиль, но только в ироническом смысле. Иначе подумают, что я выпендриваюсь. Именно так считает миссис Пембертон.)

— Вот вопрос, над которым вы будете работать вместе до конца урока, а в пятницу мы обсудим результаты ваших совместных трудов. «Грозовой перевал» — это книга про любовь? И если так, то про какую именно? Решите сами, кто будет вести записи, — сказала миссис Пембертон.

Мы с Лукасом обменялись неуверенными улыбками.

— Ты мыслитель, так что я лучше буду писцом, — предложил Лукас, небрежным почерком написав тему на листе линованной бумаги формата А4.

— Мыслитель? Спасибо.

Я снова улыбнулась, на этот раз ободряюще. И увидела, что лицо Лукаса просветлело. Я рылась в памяти, пытаясь отыскать какую-нибудь информацию о нем. Он появился у нас только в шестом классе и поэтому был где-то на заднем плане.

Лукас всегда носил темные майки с наполовину выцветшими картинками, брюки, заметно обтрепавшиеся от стирок, и три красные с синим веревочки в качестве браслетов. Помнится, некоторые мальчишки прозвали его за это «цыган». (Но не в лицо, потому что с его старшим

братом шутки плохи.) В школьной комнате отдыха он часто сидел в одиночестве, читая какой-нибудь журнал о музыке, пристроив ногу в ботинке «Доктор Мартинс» на колене.

— Я согласен с тобой насчет Хитклифа. Он скорее оборотень, нежели человек, да? — сказал Лукас.

Я вдруг осознала, что, проведя с Лукасом два года в одном здании, в одной классной комнате, ни разу не обмолвилась с ним словом. Он говорил тихо, и в голосе слышалась ирландская напевность. Мне казалось, что у него должен быть акцент. Раньше я не обращала на Лукаса никакого внимания.

— Да! Он как большая злая собака.

Лукас улыбнулся мне и принялся записывать.

— Вообще-то, меня раздражает, что Кэти должна брать всю вину на себя, — сказала я. — Она принимает неверное решение, а следующим поколениям приходится разгребать все это дерьмо.

— Наверное, если бы она приняла правильное решение, то не было бы сюжета?

Я смеюсь:

— Верно. Тогда было бы просто: «Познакомьтесь с Хитклифами». Погоди-ка, если Хитклиф — фамилия, то как же его зовут?

— Думаю, у него только имя. Как у Морисси¹.

— А может быть, он Хитклиф Хитклиф.

— Неудивительно, что он такой сердитый.

Я снова рассмеялась. Теперь понятно: Лукас молчаливый вовсе не потому, что тупой. Просто он наблюда-

¹ Морисси (род. в 1959 г.) — британский рок-музыкант, основатель рок-группы «*The Smiths*».

ет и слушает. Он похож на простую деревянную шка-
тулку: если ее открыть, то внутри обнаружишь сокро-
вища.

— Правда, это не ее решение... — запинаясь, про-
изнес Лукас, все еще зондируя почву между нами. —
Я имею в виду, что виноваты деньги, и классовые разли-
чия, и все такое, а не она. Она считает, что слишком хо-
роша для него — но ведь это Линтоны внушают ей эту
мысль. Все меняется после несчастного случая с собакой.
Может быть, вообще во всем виновата *собака*.

Он грыз шариковую ручку и сдержанно мне улыбал-
ся. Что-то изменилось — нет, изменилось все. Я еще не
знала, что маленькие мгновения могут быть невероятно
большими.

— Да. Значит, эта история о том, как любовь разру-
шает... — мне хотелось произвести впечатление, — не-
благоприятная среда.

— А разве она разрушена? Кэти все еще преследует
Хитклифа в облике призрака годы спустя. Я бы сказал,
что любовь продолжается, изменив форму.

— Но это извращенная, горькая, безнадежная любовь,
полная гнева и чувства вины. Он больше не может дотро-
нуться до нее, — сказала я.

— Да.

— Похоже на моих родителей.

Мои шутки обычно имели успех, но я никогда еще так
не ликовала, когда кто-то заходил от смеха. Помнит-
ся, я заметила, какие белые зубы у Лукаса. Он никогда
не раскрывал рта, так что мне не доводилось их видеть
прежде.

Вот как это началось. Нет, по-настоящему это нача-
лось с четырех слов, спустя три урока.

Они были написаны на линованном листе формата А4, в самом конце совместного эссе о «роли сверхъестественного». Мы передавали блокнот друг другу и писали, стараясь произвести впечатление.

Я на секунду смутилась, увидев эту рискованную фразу, затем теплая волна прихлынула к шее.

Я люблю твой смех. X

Эта неожиданная сноска была написана синей шариковой ручкой. Она была в самом низу, так что я чуть не пропустила ее. Почему он не послал мне эсэмэску? (Мы обменялись номерами телефонов на случай, если возникнут срочные вопросы насчет Эмили Бронте.) Но я знала почему. Слова на бумаге очевидны, а эсэмэску можно отрицать в случае необходимости.

Итак, она была взаимной, эта внезапная одержимость Лукасом Маккарти. Никогда прежде со мной такого не случалось. Тем более с парнем, чья кожа была цвета морской раковины.

Если прежде я вообще не замечала Лукаса, то теперь была постоянно сосредоточена на нем. У меня развилось звериное чутье: я могла в любое время сказать, в каком углу комнаты отдыха находится Лукас, ни разу не взглянув в его сторону.

В конце концов я написала внизу дрожащей рукой:

Я тоже люблю твой. X

В конце следующего урока я придвинула блокнот Лукасу. Мы посмотрели в глаза друг другу, затем с виноватым видом отвели взгляд. Когда блокнот вернулся ко мне, эта страница исчезла.

Раньше я гадала: как узнать, что ты влюбилась? Ведь со мной никогда этого не случилось. А сейчас любовь узнаешь сразу.

Мы находили любые предлоги, чтобы встречаться после уроков. А если была хорошая погода, мы встречались в Ботаническом саду.

Мы ходили на свидания, но на траве были разбросаны учебники в качестве фигового листка. Мне хотелось расцеловать миссис Пембертон.

Сначала мы без умолку говорили, жадно поглощая информацию. Его жизнь в Дублине, наши семьи, планы на будущее, любимая музыка, фильмы, книги. Этот серьезный, немногословный ирландский мальчик с темными волосами был полон сюрпризов. Он ничего не выставлял напоказ — ни превосходное чувство юмора, ни привлекательную внешность (которая бросалась в глаза, стоило ему выпрямиться), ни острый ум. Он был сдержанным. Я же, наоборот, была несдержанной.

Когда я говорила, он впивался в меня глазами. Он был настолько сосредоточен на мне, что я взглянула на себя другими глазами. Значит, я достойна и мне не нужно так стараться.

Когда мы встретились в третий раз, примерно через пять дней, Лукас наклонился и что-то прошептал мне на ухо насчет компании, расположившейся поблизости. Меня начало трясти. Лукас схитрил: не было никакой необходимости наклоняться. Я чувствовала, что между нами что-то происходит.

Осторожно поправив пряди, выбившиеся из моего «конского хвоста», Лукас спросил:

— У тебя настоящие волосы?

Мы зашлись от истерического смеха.

— Настоящий ли это *цвет*! Натуральный цвет — вот что я имел в виду. О господи...

Я вытерла слезы.

— Да, этот парик моего натурального цвета. Я прошу своего мастера делать парики того же цвета, что мои волосы.

Обессилен от смеха, Лукас сказал:

— Они красивые.

Мы пристально посмотрели друг на друга — и вот уже мы целуемся.

После этого мы начали встречаться под предлогом занятий каждый день. Этот поцелуй сломал барьер, и с каждым разом мы проявляли наши чувства более бурно. Мы шепотом обменивались секретами, страхами и желаниями, и рискованные интимные признания множились. Он придумал для меня уменьшительное имя. Раньше так на меня никто не смотрел.

До того как я встретила Лукаса, мне не нравилась моя фигура: недостаточно худая, слишком большой бюст, толстые бедра. Обнимаясь с Лукасом, я научилась любить свое тело. Хотя мы были полностью одеты, я не могла не заметить, как сильно действую на него. Его сердце сильно билось, дыхание становилось учащенным. Я прижималась к нему, чтобы почувствовать бугорок в его джинсах. И думала: это из-за меня. При мысли о каком-нибудь укромном месте, где мы могли бы побыть вдвоем, я задыхалась от волнения.

Мы держали все в секрете. Не знаю почему — ведь мы об этом не договаривались. Просто молчали, и все.

В школе все еще существовало нелепое предубеждение насчет того, что кто-то с кем-то встречается. Я не смогла

бы выдержать улюлюканье и аплодисменты в коридорах, когда тебя подталкивают локтем, и ухмыляются, и спрашивают, чем же вы таким занимались, что мы оба краснеем. Причем я знала, что меня будут дразнить больше, чем Лукаса. Меня любили, а Лукаса нет. Мальчишки бы подтрунивали, а девочки тянули: «Ну-у?»

Гораздо легче было подождать. Ведь неволя, школа и ее жестокие правила скоро закончатся.

Если строго придерживаться фактов, то первый представитель мужского пола, увидевший мой прикид для выпускного бала, был поражен, и у него отвисла челюсть. К сожалению, ему было восемь лет, и это был маленький засранец.

Когда я вышла из дома в ранний благоуханный вечер, разодетая в пух и прах, соседский мальчишка стучал дверным молотком, чтобы его пустили в дом. Точнее, он стучал по молотку палочкой от эскимо, которое сгрыз. Его физиономия была вымазана малиновым мороженым.

— Почему у тебя такое яркое лицо? — осведомился он.

Это замечание можно было отнести к моему радужному настроению, но он имел в виду макияж.

— Отвяжись, Уиллард! — весело ответила я. — На себя посмотри.

— Мне видны твои титьки! — добавил он и влетел в дом, прежде чем я успела угостить его подзатыльником.

Я оправила платье, сожалея о том, что Уиллард (хотя он в своей заношенной толстовке «Элмо» и сам не сошел с фотографии в «Вог») вообще-то прав. На мне было темно-красное платье со слишком глубоким декольте, и груди гордо выставлялись напоказ. Готовясь к выходу, я

пребывала в волнении. Дело в том, что я впервые в жизни надела нижнее белье, зная, что снимать его буду не я. От этой мысли у меня кружилась голова.

Мы с Лукасом заранее договорились. Поскольку свидания полностью одетыми не только волновали, но и были мучительны, я предложила остаться вместе «в городе» после выпускного бала. Я говорила небрежным тоном, делая вид, что это самая обычная вещь. Даже пыталась притвориться, будто уже делала это раньше. Я не знала, делал ли он это.

— Конечно, — ответил Лукас с такими взглядом и улыбкой, что я задохнулась от возбуждения. Я была очень взволнована: ведь я знала точную дату, когда лишусь невинности, и это произойдет с *ним*.

В тот день я сходила в отель «Холидэй», сняла номер, оставила кое-какие вещи, посмотрела на двухспальную кровать. Вернувшись домой, я напомнила родителям, что останусь ночевать у Джо. К счастью, моя сестра была в отъезде. Эстер могла за милую учуять вранье.

Вечеринку устроили в ирландском пабе в центре города. Кругом пластик, на столе в зале полно закусок и море разлитое дешевой выпивки в пластмассовых контейнерах. Они доверху наполнены льдом, который скоро растает и превратится в болото.

Как странно: мы с Лукасом оба знаем, что после бала запланировали интимное свидание, но притворяемся, будто между нами нет ничего общего. Я увидела его на другом конце зала. Он был в черной вельветовой рубашке и пил легкое пиво из банки. Мы незаметно кивнули друг другу.

До сих пор представлялось разумным скрывать наши отношения. Но сегодня вечером это было нелепо. Поче-

му их нужно скрывать? Разве в них есть что-то постыдное? Может быть, Лукас предпочел бы обнародовать наши отношения? Не было ли это оскорблением, которое он молча сносил?

Я слегка расстроилась. Но ведь мы установили курс, по которому должны теперь плыть. Я могу открыться позже. *Позже*. Мне с трудом верилось, что это время вот-вот наступит. Это опьяняло.

Я пила сидр и портер в слишком быстром темпе, и мои запреты растворялись в едкой шипучке. Ричард (Рик, как я теперь узнала) Харди сказал:

— А ты в форме. — Затрепетав, я пробормотала слова благодарности. — Выглядишь, как путана высокого класса с золотым сердцем. Это твой образ, верно?

— Ха-ха-ха, — захихикала я, тогда как все покатились со смеху. Это был шуточный разговор взрослых людей, и мне повезло, что я в нем участвую.

Вечер медленно тянулся, и мне казалось, будто я в круге света и смеха, среди избранных. Непонятно, почему я раньше себя недооценивала. О'кей, я в подпитии, но когда тебя вдруг *полюбили* — это что-то!

Мы с Джо обменялись удивленными взглядами: неужели школа действительно закончилась? И мы выжили? И вот-вот вырвемся на простор?

— Эй, Джордж.

Меня поманил Рик Харди. Он называет меня Джордж?! О, я действительно попала в яблочко! Рик стоит, прислонившись к стене, возле контейнеров с банками пива. Вокруг него, как всегда, свита из подхалимов. Ходят слухи, что он не собирается замораживаться с университетом: его оркестр уже пользуется успехом..

— Я хочу что-то показать тебе, — сказал Рик.

— О'кей.

— Не здесь.

Рик отлепился от стены шикарным движением рок-звезды и сунул свою выпивку одному из почитателей. Протянув мне руку — я чувствовала, как нас сверлят многочисленные пары глаз, — он предложил:

— Пойдем со мной.

Удивившись, я со стуком поставила свою банку с пивом, подала ему руку и позволила вести сквозь толпу. Наверное, есть два варианта: это либо новый автомобиль, либо марихуана.

Я оглянулась на Лукаса, давая ему понять, что это ничего не значит. Так, пустяки. Он взглянул на меня точно так же, как когда я впервые села за парту рядом с ним.

Насколько сильную боль ты собираешься мне причинить?

Сейчас

1

— А суп сегодня из моркови и помидоров, — бойко заключаю я с нагловато-веселой ноткой. Дескать, скажите спасибо, что не из апельсинов.

(«Этот морковно-помидорный суп съедобен?» — спросила я шеф-повара Тони. Он шуровал поварешкой в котле, в котором булькало варево с запахом спелых овощей. «Да, Титьки Динь-Динь»¹. Не думаю, что Тони — выпускник Академии обаяния².)

Честно говоря, я общаюсь с клиентами немножко и для себя. Я не просто официантка — я шпион из мира слов, собирающая материал. И я как бы наблюдаю за собой со стороны. Недовольный мужчина средних лет, похожий на менеджера, с унылой женой, изучает меню «Это Amore!»³. Оно украшено картинками: «Падающая башня» Пизы, вилка, на которую накручены земляные черви, и Паваротти, который выглядит как снежный человек, которого хватил удар.

¹ Фея Динь-Динь из «Питера Пэна» Д. Барри.

² Аналогия со «школой обаяния» — курсы, на которых обучают хорошим манерам, искусству одеваться, держаться в обществе и т.п.

³ Любовь (*итал.*).

Он заказал столик на имя мистера Кита. Это звучит забавно. Правда, есть актриса по имени Пенелопа Кит.

— Морковь и помидоры? О нет, не думаю.

Я тоже так не думаю.

— Что вы рекомендуете?

Я ненавижу этот вопрос, поскольку это приглашение к лжесвидетельству. Тони сказал мне: «Напиши spaghetti vongole¹, потому что «моллюски» звучит как-то не так».

Что я рекомендую? Пойти в турецкий ресторан, который в двух шагах отсюда.

— Как насчет arrabiata?²

— Это острое блюдо? Я не люблю, когда во рту жжет.

— Оно со специями, но не острое.

— То, что для вас не острое, для меня может быть острым, юная леди!

— Зачем же тогда просить у меня совета? — бурчу я еле слышно.

— Что?

Я улыбаюсь глуповатой улыбкой. Эта улыбка — важный прием, которым необходимо овладеть. Я слегка наклоняюсь: руки на коленях, подхалимская поза.

— Скажите, что вы любите.

— Я люблю ризотто.

Почему бы вам тогда просто не выбрать ризотто?

— Но оно с морепродуктами. — Он делает гримасу. — С какими именно морепродуктами?

Они упакованы в пластиковый контейнер с надписью «МОРЕПРОДУКТЫ». Выглядят, как наживка, которую продают в магазинах для рыболовов.

¹ Спагетти с моллюсками (итал.).

² Паста «Аррабиата».

— Смесь. Моллюски... креветки... мидии...

Я принимаю заказ на карбонару с замирающим сердцем. На этом мужчине крупными буквами написано: «Въедливый Зануда». А в нашем ресторане и занудным, и незанудным посетителям есть к чему придаться.

Вот самые рейтинговые комментарии насчет «Это Amore!» на сайте TripAdvisor:

Это место — настоящий кошмар. Что касается чесночного хлеба, то, похоже, кому-то удалось намазать дурной запах изо рта на тост. Правда, этот хлеб прекрасно дополняет паштет, у которого такой вкус, будто он приготовлен из престарелого осла. Я увидел шеф-повара, когда приоткрылась дверь в кухню — и немедленно отбыл, прежде чем мне успели навязать основное блюдо. Как ни печально, я так никогда и не узнаю, исправили бы впечатление телячьи *scallopini*¹. Но официант пообещал, что все «из местных источников». Вероятно, где-то поблизости висит на заборе объявление о пропавшей кошке.

Конечно, это мой первый и последний визит в эту адскую дыру. Но все же любопытно, черт побери, что такое «Нипсендская креветка»?² Как известно, у этого города нет береговой линии. Я предпочел бы в этом ресторане Pollo alla Cacciatora³ в качестве предсмертной трапезы — в том смысле, что это бы лишило смерть ее жала.

Я сказал владельцу «Это Amore!», что в жизни не пробовал худшего болоньезе. Он ответил, что так готовит болоньезе его Nonna⁴ по своему особому рецепту. Я сказал, что

¹ Эскалопы (*итал.*).

² Н и п с е н д — пригород Шеффилда.

³ Курица по-охотничьи (*итал.*).

⁴ Бабушка (*итал.*).

в таком случае его «Nonna» не умеет готовить, и он обвинил меня в оскорблении его семьи! Но он такой же итальянец, как Борис Беккер¹.

Это настоящее дерьмо.

2

— Когда ты узнала, что хочешь быть официанткой? — спрашивает Кэллум, мой единственный коллега, пытаюсь лихо, на манер ковбоя, выпить оранжину. Затем он небрежно закручивает колпачок.

У него намек на усики и круги от пота под мышками. Единственное хобби и/или интерес Кэллума — спортзал. Он посещает занятия под названиями типа «Сломай себе ноги». У меня вызывают опасения его попытки флиртовать. Чтобы пресечь эти намерения, я говорю с ним строго, как «старшая сестра».

— Гм-м... Я бы не сказала, что хочу этим заниматься.

— Вот как? Повтори-ка, сколько тебе лет? — просит Кэллум.

Кэллум, не слишком смысленный двадцатидвухлетний парень, и не подозревает, что ход его мыслей совершенно прозрачен. Однажды он сказал мне, что шаговая машина творит чудеса «даже с людьми, у которых на стоун² или на стоун с половиной превышен вес».

— Тридцать, — отвечаю я.

— Вау!

¹ Борис Беккер (род. в 1967 г.) — немецкий теннисист.

² 6,35 кг.

— *Спасибо.*

— Нет, я имею в виду, что ты не выглядишь такой старой. Ты выглядишь... ну... на двадцать восемь.

Когда-то я была одного возраста с людьми, с которыми работала в индустрии сервиса, но в последнее время все больше чувствую себя пожилой. Будущее — это то, о чем я стараюсь не думать.

Я поступила на службу в «Это Amore!», когда на месяц запоздала с квартплатой. Это ретро, внушала я себе: оплывающие свечи в бутылках от кьянти, помещенных в плетеные корзинки, скатерти в красную и белую клетку, пластмассовая виноградная лоза, вьющаяся над баром, и итальянские классические любовные песни на стерео.

— Почему ты не найдешь приличную работу? — спросила мама.

Я в миллионный раз объяснила, что я писательница, ожидающая своего часа, так что мне нужно зарабатывать деньги. А если я найду приличную работу, то останусь там навеки. В дальнем углу платяного шкафа я храню свой старый ежегодник за шестой класс. Согласно голосованию в классе, я, скорее всего, должна была далеко пойти и получить первую степень¹. Да, я далеко пошла — до самой дерьмовой трактирии в Шеффилде. А университет я бросила после первого семестра.

— Ты собираешься стать престарелой официанткой без пенсии, — заключила мама.

Моя сестра Эстер как бы поддержала меня:

— Слава богу, туда не ходит никто из тех, кого я знаю. Джоанна сказала:

¹ Степень бакалавра, присуждаемая колледжем или университетом выпускнику, успешно сдавшему выпускные экзамены.

— А не в «Это Amore!» год назад была вспышка норовируса?¹

Поскольку я лично отведала «деревенской простой пищи», то полагаю, что несправедливо делать норовирус козлом отпущения.

А сейчас я могла бы взять молоток и изо всех сил вмазать по CD. Мне ужасно хочется дать в глаз Дину Мартину², на манер Майка Тайсона.

Оказывается, моя роль — не столько официантка, сколько апологет гастрономического терроризма. Я мул, который перетаскивает криминальную пищу с кухни на столики, а на допросе отвечает: невиновен.

Мне сказали, что бесплатный ланч — дополнение к моей скудной зарплате. Вскоре выяснилось, что эта еда мне, как мертвому — припарки.

Но вот что удивительно: благодаря пенсионерам, мазохистам, приезжим и студентам, которых привлекает скидка под девизом «ранней пташке достается червяк», ресторан «Это Amore!» приносит прибыль.

Его владелец, ворчун, по прозвищу Носатый, претендует на средиземноморское происхождение «по линии мамы». Однако, судя по внешности и выговору, он явно из Шеффилда. Время от времени он заглядывает, чтобы выпить граппы и выгрести деньги из кассы. А вообще-то, он с радостью передал руководство Тони, который фактически и является боссом.

Тони — жилистый мужчина, окутанный клубами табачного дыма. Он заядлый курильщик: прикуривает одну

¹ Н о р о в и р у с — вирус, вызывающий желудочно-кишечные эпидемии.

² Д и н М а р т и н (1917–1995) — американский джазовый певец и актер.

сигарету от другой. С Тони можно ладить, если правильно с ним обращаться, а именно: считать его божеством, игнорировать приставания и почаще напоминать себе, что главное — это мое жалованье.

Сегодня не особенно много посетителей, и, доставив тарелки с основным блюдом на все столики, я рассматриваю свое отражение в нержавеющей стали кофемашины.

С другого конца зала доносится голос:

— Извините? Извините!..

Меня зовет мистер Кит, и я изображаю умеренную заинтересованность. Мне хорошо известно, что будет дальше. Он берет вилку и роняет ее в застывшую карбонару цвета дрожжей.

— Это несъедобно.

— Простите, что с ней не так?

— А что с ней так? У нее вкус невымытых ног. И она чуть теплая.

— Хотите что-нибудь другое?

— Нет. Я выбрал карбонару, потому что хотел именно это блюдо. Да, карбонару, но только съедобную.

Я открываю было рот и снова закрываю. Есть только один способ исправить положение: уволить Тони, сменить всех поставщиков и снести «Это Amore!» с лица земли.

— Очевидно, тарелка с карбонарой долго стояла, пока вы готовили ризотто для моей жены.

Я бы не стала делать такие смелые выводы: истина еще хуже.

— Мне попросить на кухне, чтобы вам приготовили другую?

— Да, пожалуйста, — отвечает мужчина, передавая мне тарелку.

Я объясняю ситуацию Тони, который не обижается, когда посетители говорят, что его стряпня отвратительна. Лучше бы он воспринимал это как личное оскорбление: возможно, тогда улучшилось бы качество.

Он берет сумку с наструганным пармезаном, добавляет немного сыра в карбонару, размешивает ее и ставит в микроволновку на две минуты. Когда слышится сигнал, Тони вытаскивает тарелку.

— Сосчитай до пятидесяти и отдай ему. Рот ощутит тот вкус, который подскажет уму. — И он стучит себя по лбу.

Если бы все было так просто, у «Это Amore!» была бы Мишленовская звезда, а не критические комментарии в TripAdvisor.

Но дело в том, что если я начну спорить с Тони, то он заменит карбонару другим блюдом, которое будет ничуть не лучше.

Я морщусь от смущения. Пока что моя жизнь — это бесконечная борьба с собственными нервами.

* * *

Подождав немного для создания иллюзии, я прохожу с мерзкой пастой через вращающиеся двери.

— Пожалуйста, сэр, — говорю я, снова изображая глупую улыбку. — Приношу свои извинения.

Мужчина изучает тарелку, а я радуюсь тому, что на пороге показалась пожилая чета, которую нужно поприветствовать и усадить.

Как только я покончила с этим, мистер Кит снова манит меня с роковой неотвратимостью. *Я должна уволиться. Должна уволиться.* Только сначала надо уплатить

квартплату за этот месяц. И взять билеты, чтобы провести неделю на Крите с Робинот, если удастся его уговорить.

— Это то же самое блюдо, которое я отослал на кухню.

— О нет! — Я изображаю удивление, энергично мотая головой. — Я попросила шеф-повара заменить его.

— Это та же самая тарелка. — Мужчина указывает на трещину на фарфоре с узором. — Я уже видел эту трещину.

— Гм-м... Может быть, он приготовил новую карбонату и использовал ту же самую тарелку?

— Значит, он приготовил другую пасту, выбросил прежнюю в мусорное ведро, вымыл тарелку, вытер ее и снова использовал? Почему бы не взять другую тарелку? У вас мало тарелок?

Весь зал уже слушает. Мне нечего сказать.

— Давайте будем реалистами. Это та же самая карбоната, только подогретая.

— Я уверена, что шеф-повар приготовил другую.

— Уверены? Вы видели, как он ее готовил?

Быть может, клиент прав, но в данный момент я ненавижу его.

— Не видела, но... я уверена, что он приготовил новую.

— Позовите его сюда.

— Что?

— Позовите шеф-повара. Пусть он объяснит сам.

— О... В данный момент он очень занят у плиты.

— Не сомневаюсь, учитывая его странную привычку одновременно мыть посуду.

Моя глуповатая улыбка становится широкой, как у Джокера.

— Я подожду здесь, пока у него найдется несколько свободных минут, чтобы побеседовать со мной. Пусть объяснит, почему мне подали те же самые помои и солгали насчет них.

Я отправляюсь обратно на кухню и говорю Тони:

— Он хочет с вами побеседовать — тот клиент с карбонарой. Говорит, что это та же самая, потому что она на той же тарелке.

Тони сейчас в процессе поджаривания утиной грудки, которую переворачивает щипцами. Я сказала «утиная», но если недавно был ограблен какой-нибудь зоомагазин, то жариться может и попугай.

— Что? Скажи ему, чтобы отвязался. Тоже мне детектив... — Он делает паузу. — Тарелка?

В битве умов между детективом Тарелкой и Тони я бы поставила деньги на первого.

— Ты обслуживающий персонал, вот и разбирайся с этим. Это не моя сфера.

— Вы дали мне то же самое блюдо! Что прикажете делать?

— *Очаруй его*. Вот какой ты должна быть — очаровательной. — Он с вызовом осматривает меня с головы до ног.

В этом весь Тони: он соединяет в одном распоряжении пассивную агрессию, хамство на рабочем месте и сексизм.

— Я же не могу ему сказать, что его собственные глаза плохо видят! Нам следовало поменять тарелки.

— Черт бы побрал эту утку! — восклицает Тони, снимая с плеча посудное полотенце и швыряя его на пол. — Эта долбаная утка превратится в угли.

Какое лицемерие — винить клиентов в плохом качестве стряпни!

Он выключает газ под сковородкой и театрально врывается в зал через вращающиеся двери.

— Который?

Не думаю, что агрессивное поведение поможет делу.

Я протискиваюсь мимо Тони и веду его к столику, дипломатично издавая умиротворяющие звуки.

— В чем проблема? — низким голосом произносит Тони, уперев руки в бока. На нем китель шеф-повара, отнюдь не блещущий белизной.

— Вот эта проблема, — отвечает мистер Кит, берясь за вилку и с отвращением роняя ее. — Неужели вы считаете, что это можно есть?

Тони смотрит на него свысока:

— Вы знаете, что входит в карбонару? Это традиционный итальянский рецепт.

— Яйца и пармезан, не так ли? А это по вкусу как плавленый сыр, протертый через пояс рестлера.

— Ах простите, не знал, что вы ресторанный критик.

Наверное, Тони совсем очумел от своей последней сигареты, если так хамит клиенту.

— Не обязательно быть А.А. Джиллом¹, чтобы понять, что это гадость. Однако раз уж вы подняли этот вопрос... Я действительно пишу сегодня статью о вашем ресторане для «Стар».

Тони, и так уже бледный от своего меню, состоящего из сигарет и роллов с беконом, становится белым как мел.

Если бы ситуация не была такой отчаянной, я бы рассмеялась. К тому же это было бы крайне непрофессионально. Я с задумчивым видом тру лицо.

¹ А.А. Джилл (1954–2016) — британский журналист.

— Тогда, может быть, вы предпочли бы что-нибудь другое? — спрашивает Тони.

При этом он скрещивает руки на груди и бросает на меня взгляд. Я знаю, что на кухне получу взбучку. РАЗВЕ ТЫ НЕ МОГЛА СПРАВИТЬСЯ С ЭТИМ САМА?

— Вовсе нет. Я попросил вас заменить блюдо, но вы только подогрели его. Неужели я в третий раз увижу эту мерзость?

Я замечаю, что у миссис Кит на удивление спокойный вид. Может быть, она рада, что кто-то другой получил нагоняй от ее мужа. Если только она действительно жена, а не помощница критика.

— Я думал, вы хотели, чтобы паста была горячей?

— Да, горячей. Но я хотел, чтобы блюдо заменили, а получил ту же самую отраву.

Тони поворачивается ко мне:

— Почему ты не сказала мне, что он хочет другое блюдо?

Я отвечаю, нахмурившись:

— Э-э, разве я не?..

— Нет. Ты сказала, что нужно подогреть.

Я так потрясена этой наглой ложью, что не в силах возразить.

— Но я же сказала?.. — Я не доканчиваю фразу. Ведь если я повторю весь наш разговор, это будет предательством. Но неужели я должна согласиться, что это моя вина?

Пауза. Да. Да, это моя вина.

— Ты называешь меня лжецом? — продолжает Тони. К нам прикованы взгляды всего зала.

Я открываю было рот, чтобы ответить, но не произношу ни звука.

— Ну так вот что я тебе скажу: ты уволена!

— Что?!

Наверное, он шутит? Но Тони указывает на дверь. Кэллум, которого я замечаю на другом конце зала, в шоке. У него отвисла челюсть, руки судорожно сжимают гигантскую перчатки.

— О, это уж чересчур... — говорит мистер Кит, вдруг сбавив тон. Так вот почему Тони это сделал! Это единственный способ одержать верх. Он надеется, что в центре статьи в «Стар» не будет фигурировать несъедобная карбонара.

Стоит такая тишина, что можно услышать, как упадет булавка. Только Дин Мартин тихо и проникновенно поет в микрофон о старом Наполи.

Сняв передник, я бросаю его на пол и неловкими руками роюсь за барной стойкой в поисках своей сумки.

Я выскакиваю на улицу, не оглядываясь. У меня щиплет глаза от слез. Ну уж нет, не дождетесь! Не видеть вам моих слез!

Я захожу за угол и ищу в сумке бумажные носовые платки, так как у меня потекла тушь. В этот момент приходит эсэмэска от Тони.

Прости, секс-бомба. Иногда нужно отдать им чей-то скальп. Ты вернешься к нам через две недели, а если узнает этот долбаный критик, скажем ему, что у тебя умерла мама и мы сжалились. Считай это отпуском! Правда, неоплачиваемым.

Это Amore.

И тут до меня доходит еще кое-что.

Мать твою, я же забыла свое пальто!

3

Первая мысль: мое пальто — военнопленный. Они не могут его пытаться, так что оставь его. Вторая мысль: черт побери, это же мое пальто из искусственного меха цвета розовой жвачки! Это моя броня, воплощение моей личности. На сентиментальной шкале оно стоит на втором месте после моей древней черепахи Джемми. И кроме того, я уже дрожу от холода.

Погодите-ка, у меня же там есть свой человек! Кэллум. Я посылаю ему эсэмэску, полагая, что он, конечно, сочувствует мне и выполнит мою просьбу.

Немедленно приходит ответ:

Я отдам тебе твое пальто, если ты придешь ко мне
на свидание.

Я удивленно моргаю. Ты же видел, как меня публично и унижительно уволили — и теперь требуешь секс за свою услугу? Ну, ты у меня дождешься! Не ответить ли, что купила это пальто на распродаже всего за 50 фунтов три года назад, так что оно того не стоит?

Но моя цель — получить свое пальто, а не фотографию, на которой оно в мусорном баке.

Ха-ха-ха! Разве я не безработная, к тому же без гроша
в кармане, так что вряд ли смогу заплатить за выпивку
в свой черед? Увидимся у парадного входа через 1 минуту?

Я сам заплачу. Это означает «да»?

Как это противно — терпеть, когда тебя пытаются заставить что-то сделать и признают это, но тем не менее продолжают?

О'кей, соврем.

Конечно.

А ведь он знает, что у меня есть бойфренд. Как-то раз упомянул в разговоре: *Значит, его зовут Робин?*

Я стою у входной двери, но Кэллума не видно. Прождав пять минут, которые кажутся пятью часами, посылаю ему следующую эсэмэску, состоящую из вопросительного знака. Проходит еще три минуты, и наконец он появляется.

— Приходится крутиться: ведь я теперь один.

Может быть, я должна принести за это извинения?

Я смотрю на вещь, которую держит Кэллум. Это бежевый тренч.

— Это не мое.

— О!

— Мое розовое и пушистое.

Кэллум исчезает за дверью. Снова тянутся минуты. Вряд ли в гардеробе есть еще одно пальто цвета розовой жвачки, что оправдало бы столь долгое отсутствие. Я заглядываю в окно, затянутое сеткой чайного цвета. Кэллум принимает заказ возле стола на восьмерых. Он болтает и шутит и явно не торопится.

Досада одерживает победу над стыдом. Я распахиваю дверь и строевым шагом вхожу в ресторан. Под взглядом многочисленных глаз открываю дверь за баром. На обратной стороне крючки, и на одном из них висит мое пальто.

— Юная леди! Юная леди?

Обернувшись, я вижу, что меня подзывает мистер Кит. Я бросаю настороженный взгляд в сторону кухни. А впрочем, что еще может мне сделать Тони? Уволить во второй раз?

Я приближаюсь к столику мистера Кита. Он вытирает губы салфеткой.

— Мне жаль, что так получилось. Если бы я предвидел последствия...

— О, все в порядке, — отвечаю я. — Это не ваша вина.

— Запомните на будущее: честность — всегда лучшая политика.

Я удивленно смотрю на него. Он снова отчитывает меня? Какого хре...

— Я сказала правду. Это шеф-повар солгал, — отрицаю я.

— Но вы же сказали, что повар приготовил мне другое блюдо?

А, так вот в чем дело.

— Нет, не приготовил, но сказал мне, чтобы я...

— И вы солгали?

— Чтобы не потерять работу! Он велел мне солгать!

— И что, это вам помогло?

Я открываю и снова закрываю рот, безмолвно повторяя: «Это он солгал».

— В любом случае я решил не писать об этом ресторане, чтобы не ставить вас в неловкое положение.

У меня отвисла челюсть:

— Но именно этого он и хотел! Вот почему он меня уволил! Чтобы вам было неловко писать о том, какая тут дерьмовая еда!

Мой голос становится пронзительным, и теперь уже все смотрят на меня.

— Напишите об этом! Расскажите всем, что тут творится! И о том, что меня уволили. Мне все равно!

— Это не очень-то коллегиально, не так ли?

— Или... — продолжаю я, чувствуя, как все в зале затаили дыхание, — я напишу об этом для вас. Я могла бы написать вам хороший материал об этом ресторане. Ведь теперь больше нет конфликта интересов.

Мистер Кит откашливается.

— Хорошо. «Официантка месяца».

Мне хочется упомянуть о том, как на маргарине в бочонке отпечатались следы лап грызунов и Тони снял верхний слой ложкой для мороженого и продолжил использовать этот маргарин. А еще можно вытащить мой телефон и показать мистеру Киту эсэмэску от Тони, которую я только что получила. Да, тогда Тони конец.

Кэллум в ужасе уставился на меня. Когда он переводит взгляд на дверь кухни, я понимаю, что сейчас будет.

Тони выступает с важным видом, в руках у него другая тарелка с пастой. Вид самый добродушный, но, когда он замечает меня, глаза становятся как буравчики.

— Никак не можешь уйти, хотя тебе больше не платят? Все, Джорджина, уходи. Клиенту надоело с тобой препираться.

Тони ставит тарелку на стол. Карбонара выглядит довольно прилично. Наверное, Тони заглянул в «Гугл» и добавил в нее яйцо.

— Я с ним не препираюсь, он сам со мной заговорил. Я вернулась за пальто.

Стук ножей и вилок еще не возобновился, так что слышно только нас и еще «*volare, wooooooah oh*».

В эту минуту я замечаю кого-то позади мистера Кита. Это маленькая девочка со стрижкой «паж», в большой бумажной короне с надписью «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ». Ее щеки измазаны томатным соусом. Она оторвалась от ренне маринара¹ и вместе со своей семьей слушает эту непристойную перебранку. Мы портим праздник малышке, которой исполнилось пять лет. Поскольку все напряженно ждут, что я буду делать дальше, то это моя вина.

Мои немногочисленные хорошие воспоминания детства связаны с радостным волнением, когда меня водили куда-нибудь пообедать. Я ела куриные наггетсы и клячила вторую порцию кока-колы.

— Забудьте. Я только хотела забрать свое пальто. Вот и все.

— Смотри, чтобы тебя не прищемило дверью, — бормочет Тони, затем, повысив голос, обращается к мистеру Киту: — Надеюсь, эта драма не испортит вам аппетит.

— Надеюсь, карбонара не испортит вам аппетит, — говорю я, и мистер Кит качает головой.

Повернувшись, я выхожу из зала, ощущая на себе взгляды всех присутствующих. Я никогда не считала эту работу такой уж хорошей, но и не думала, что все закончится так унижительно. Дверь захлопывается за мной, и я делаю выдох.

Я шагаю по улице слишком взвинченная, чтобы поискать в сумке сигареты. Мне не хочется, чтобы ситуация обернулась приступом паники. Я помню, что говорил психоаналитик: когда я чувствую, как тревога взды-

¹ Паста пенне с соусом маринара (*итал.*).

мается, словно волны в море, нужно сосредоточиться на дыхании.

Мой телефон подает сигнал.

Держи наше свидание в секрете. Тони рассвирепеет, если узнает, и уволит меня тоже.

Кажется, Тони уже рассвирепел: я вижу еще одну эсэмэску.

ХРЕН ТЕБЕ, принцесса. У меня для тебя нет работы, и тебя нигде не возьмут, стоит мне только слово сказать. Ты в ЧЕРНОМ СПИСКЕ. Следующая работа у тебя будет на Северном полюсе.

Я набираю ответ:

Тони, твоя фамилия не Сопрано. Если бы ты был из клана Сопрано, то знал бы побольше об итальянской кухне.

На самом деле я не столь легкомысленно отношусь к его угрозе. Бистро Шеффилда со средними ценами — это маленький мирок. Теперь я не смогу заплатить за квартиру в следующем месяце. Я не привыкла наживать врагов, обычно я виртуозно сглаживаю острые углы и умею умиротворять.

Хотя, возможно, я лщу себе: прибывает третья эсэмэска. Она от моей сестры Эстер, которую мне никогда не удавалось умиротворить.

Ты придешь в воскресенье вместе с Робинот? Отвечай поскорее. Жаркое из говядины. Дай мне знать, нет ли аллергии на йоркширский пудинг или на что-нибудь еще.

Вот такие эсэмэски всегда шлет мне Эстер, как будто я нерадивый сотрудник в ее бухгалтерской фирме. Правда, шпилька в последней фразе направлена против Робина.

Его сейчас нет в городе! Но все равно спасибо. х

А еще я виртуоз по части невинной лжи. Робин и мои родственники плохо сочетаются. Попробовав два раза привести моего бойфренда на семейные сборища, я решила отложить проект объединения на неопределенный срок. Я сворачиваю за угол, и то, что психологически «Это Amore!» скрылся с моих глаз, слегка помогает. Все хорошо. Через два года будет тапас-бар, где замороженные креветки становятся в микроволновке резиновыми.

Правда, есть и плюс: Робин будет *в восторге*, когда я сегодня вечером расскажу ему о своем увольнении.

Я уже мысленно репетирую ключевые моменты, которые вызовут смех. В школе все настойчиво требовали моих историй, так как я хорошо рассказывала. Если у меня случались ужасные летние каникулы, то, вернувшись в школу, я превращала их в чистое золото. *Джордж, расскажи ту историю, где...*

Однажды Джо сказала с восхищением: «С тобой всегда происходят безумные вещи. Ты, как магнит, притягиваешь безумие!» (Это могло бы показаться не очень лестным для меня, но Джо никогда не была подлой. Она всегда говорит только то, что думает.) И я объяснила: я умею подмечать вещи. Умение оценить абсурд пригодилось мне в детстве.

Трясущимися руками я щелкаю серебряной зажигалкой, ощущая ее приятную тяжесть, и загорается кончик

сигареты. Вдохнув никотин, я сразу чувствую себя лучше. Ни к чему поддаваться обстоятельствам.

Сейчас ранний зимний вечер, и от холода воздух кажется дымным. Чувствуется атмосфера уик-энда. Толпы в Брумхилле, запах лосьона после бритья смешивается с духами. Слышится оживленная болтовня — значит, уже опрокинули пару стаканчиков.

Я рассматриваю свое отражение в витрине «Бетфред», переминаясь с ноги на ногу. Обычно я спорю с мамой, когда она говорит мне: «Небрежность очаровательна в юности, но с возрастом она становится неуместной, Джорджина». Но сейчас мне подумалось: а не отдает ли мой игривый вкус (короткие платья и жидкая подводка для глаз) «Последним выходом в Бруклин»?¹

*«Не переборщи с макияжем: ты же блондинка. То ты панк, как Дерил Ханна в «Бегущем по лезвию», а через секунду — Джули Гудиэр»?*²

Как же мне будет не хватать сомнительных комплиментов Тони!

Я начинаю писать Робину эсэмэску о своем увольнении («ты ни за что не угадаешь, что сделали эти твари»), но затем стираю. Раз уж у меня неожиданно освободился вечер пятницы, нечего тратить его на прозаические эсэмэски!

Мне хочется обставить все это элегантно.

На одном из наших первых свиданий (я говорю «свидания», но на самом деле меня приглашали в квартиру Робина выпить красного вина, и в конце концов около 9 часов вечера он размахивал передо мной рекламой ре-

¹ Второй сингл немецкой группы «Modern Talking».

² Джули Гудиэр (род. в 1942 г.) — английская актриса.

сторана с едой навynos и спрашивал: «Ты ела?») Робин сказал:

— Проживай свою жизнь, как в этой песне.

В тот момент звучала песня Элвиса «Подозрительные умы», так что я спросила:

— Как проживать — подозрительно?

У него громоздкая стереосистема с вертящимся диском, такая старая, что уже может считаться модной, с лампочками регулятора громкости, от которых образуется рябь.

— Я имею в виду то, как она замирает в конце. Песня и так уже блестящая, но этот финал гениален, потому что он неожиданный. В эту минуту хорошее превращается в великое.

Сделав паузу, Робин продолжает:

— Все думают, что нужно все делать определенным образом. Моногамия, брак, ипотека. К пункту два прилагается четверо детей, поскольку иначе что же делать со второй половиной жизни? Мыть автомобиль и жарить цыпленка в духовке каждое воскресенье? Уильям Блейк сказал: «Оковы, выкованные разумом». Люди не хотят избавиться от свода правил, это их пугает. Все мы живем в неволе.

Я подумала, что жареный цыпленок — это совсем неплохо. Но я знала, что Робин сейчас не просто делится своими взглядами на мир: это завуалированный намек для меня.

(Если бы он собирался завести семью, то уже сделал бы это, Джорджина. Спасибо, мама.) Я была исполнена решимости сохранять бесстрастный вид.

— Сконструированная реальность. Как в «Матрице». — Я беру в руки меню «Шанхайского сада».

— Да! Запреты — это иллюзия.

— Скажи это моему офицеру по надзору¹, — сказала я.

Робин рассмеялся и, открыв окно, зажег косяк.

— Молодец.

Я чувствую удовлетворение от того, что я — Крутая Девочка.

— Не разделишь ли ты со мной иллюзию риса Кунг По?

4

Не взять ли мне такси до Келхэм-Айленд? И тут я вспоминаю, что снова придется жить на пособие по безработице. Да, нужно ехать на автобусе. Подобные проблемы неведомы Робину.

Как ни странно, Робин в своем роде знаменитость. Пожалуй, «знаменитый» — это уж чересчур, но слово «известный» положительно вводит в заблуждение. Его лицо и имя могут быть вам известны, если вы входите в весьма специфическую возрастную группу в Британии, смотрите наименее известные каналы ТВ, следите за «экспериментальной» комедией, а также если вы тинейджер, предпочитающий курение марихуаны всему остальному.

Когда я увидела его квартиру в модном пентхаусе, перестроенном из здания фабрики, с кожаными диванами цвета красной губной помады, коврами и спальней на антресолях, то подумала: *вау, «экспериментальная» комедия дает неплохой доход!*

¹ Сотрудник суда, который наблюдает за поведением условно осужденного.

За те шесть месяцев, что мы встречаемся, я не раз видела, как Робин отказывается от разных предложений, которые «не соответствуют тому, что я пытаюсь создать». Он отшвыривает счета, не читая, однако электричество не отключают и горячая вода продолжает течь. В конце концов я пришла к заключению, что доходы поступают из другого источника.

Отец Робина был какой-то крупной шишкой на государственной службе. Сейчас он ушел в отставку, и родители моего бойфренда поселились на побережье Корнуолла. Робину принадлежит собственность: «Я получаю рентный доход». Больше я не спрашивала, чтобы не выглядеть золотоискателем.

— Твоим родителям нравится то, что ты делаешь? Они твои фанаты? — осторожно спросила я. В этом вопросе как бы содержался намек: *вау, они неплохо тебя обеспечили.*

Робин провел рукой по своим буйным волосам.

— Вообще-то, «фанаты» — это громко сказано. Они хотят, чтобы я реализовался в той области, в которой вижу свой потенциал.

Наше неравенство никогда не обсуждается, за исключением тех случаев, когда я прихожу измученная после смены. Он пожимает плечами и говорит: «Ну тогда пошли все это на хрен». Ведь ему не понять, каково это: висеть на брусках, когда внизу нет финансового мата на случай, если сорвешься. Его любимая фраза «Жизнь — то, чем ты ее делаешь» слегка раздражает.

Правда, он никогда не сетовал на наши различия, финансовые и прочие. Этому самому мускулистому и жилистому мужчине из всех, с кем я спала, нравятся мой живот, похожий на водяной матрац, и зад, слишком пышный

от неумеренного потребления маршмеллоу. И он с удовольствием остается в моей мансарде в стандартном домике, ряд которых тянется вдоль улицы в Крукс.

— Взгляни на это таким образом: если захочешь стать писательницей, то мансарда у тебя уже есть.

— Я рада, что ты наслаждаешься своим путешествием в нищету, — сказала я, а он ответил: — *О, путешествие в нищету! Мне нравится эта фраза, я ее где-нибудь использую.* Он часто так говорит.

Когда подходит автобус, я тушу окуроч и сую в рот жвачку. Итак, мне больше не нужно подавать недовольным клиентам рагу из собачьих консервов. У меня выходной, и вечер только начинается. Выше голову!

Добравшись до места назначения, выхожу из автобуса. От остановки две минуты ходьбы до Робина, но я вдруг начинаю сомневаться, разумна ли концепция потрясающего сюрприза. Вероятно, мне бы следовало предупредить его?.. Если ты чужд условностям, то проблема в том, что никогда не угадаешь, не вызовешь ли раздражение.

Когда я приближаюсь к зданию, то вижу у двери Робина. В руках у него дешевый синий пластиковый пакет. В нем явно что-то тяжелое, и он купил это в магазине на углу.

Вот подходящая минута! Я позвоню ему и спрошу: «Надеюсь, у тебя там вино для меня?» Буду как Джейсон Борн: «Отдохни, Пэм!» А Робин в это время будет вертеть головой, чтобы определить, где я стою.

Я вытаскиваю телефон и, ткнув в номер Робина в моих контактах, прижимаю мобильник к уху.

И вижу, как Робин вытаскивает из кармана куртки айфон. С минуту смотрит на входящий номер, затем я слышу отбой: вызов сброшен.

Озадаченная и уязвленная, я нажимаю на повтор. Происходит то же самое: проверка номера — и снова отбой. Это происходит так быстро, что даже если бы я не видела сейчас Робина, то поняла бы, что мой звонок сброшен.

Понимая, что веду себя совсем не как крутая, я упрямо делаю третью попытку. Робин уже почти у двери. Если его телефон и звонит, он не реагирует.

Я слышу: *телефон, на который вы звоните, возможно, выключен.*

Что же это такое? Он *выключил телефон*? Я же его девушка, а он обращается со мной, как с какой-то незнакомкой из Манчестера, которая пристаёт к знаменитостям? Может быть, он за что-то на меня рассердился? Я судорожно вспоминаю, но ничего не приходит в голову. И вообще, несмотря на его ненависть к критикам стендап-комедии, Робин редко приходит в ярость. Это объясняется либо его характером, либо марихуаной, а может быть, и тем и другим.

Наблюдая, как Робин входит в дом, я пытаюсь решить, должна ли обижаться?

Я предвижу, какой будет отговорка. *Был не в духе, не хотелось портить тебе настроение.* Но ведь я звонила три раза подряд, причем предполагалось, что я на работе. А вдруг это было бы что-то экстренное? Я имею в виду что-то из ряда вон входящее. Робин называет меня паникершей, но вдруг на этот раз действительно что-то случилось?

Я предпочитаю звонить, а не посылать эсэмэски, так как Робин любит повторять, что он выше «множества способов, которыми ему докучают». Может быть, он ждет звонка от какой-то важной персоны? Ему сказали, что с

ним свяжется режиссер развлекательных программ Би-би-си, так что не следует занимать линию?

Я определенно хватаюсь за соломинку. Моя мама обычно говорила, что тот, кто подслушивает, не слышит о себе ничего хорошего. Как это верно! Мой воспрянувший было дух теперь валяется у моих ног, растерзанный. Мне открылось, какие чувства иногда питает ко мне мой бойфренд. Это ощутимый удар по чувству собственного достоинства.

Я вспоминаю другие разы, когда звонила, а он не отвечал. Часто ли так бывало? *Мать ее, что ей нужно на этот раз?*

Я зажигаю сигарету и взвешиваю варианты. Если я вернусь домой, то могу столкнуться с Карен, которая торопится на свою смену. Нет, этого нужно избежать любой ценой! Моя душа уходит в пятки при одной мысли об этом. Я знаю, что именно сейчас чувствую. Мой психоаналитик велел называть это чувство, когда оно появляется: одиночество.

Проходит пара минут, а я так и не приблизилась к решению. И тут сигналит мой мобильник. Эстер.

Ты можешь захватить с собой красное, а не белое? У нас оно кончилось, а я не могу напрягать маму. Спасибо. (НЕ ПОКУПАЙ какое-нибудь пойло в «кэш-энд-кэрри»! Потрать десятку как минимум.)

Эстер — не идеальная публика, но она дает мне шанс отрепетировать свою историю. Отточить фразы, которые заставят Робина смеяться, когда я буду ему рассказывать. К тому же я все еще киплю от негодования, и адреналин зашкаливает. Я звоню Эстер.

— Привет, Эстер, насчет вина я поняла, но я не могу потратить десять фунтов. Меня только что уволили.

— ЗА ЧТО?

Может быть, это была не самая удачная идея — поделиться с Эстер.

— Посетитель пожаловался, что ему подали ужасную еду. Он оказался ресторанным критиком «Стар». Тони уволил меня при нем, как будто проблемой было обслуживание, а не кухня.

— О господи! Как в том хипстерском заведении на Грин-Лейн, где подают напитки в банках из-под варенья. Тебе там не заплатили за месяц после скандала с корн-шонами.

Вот умеет же меня достать моя семейка, причем так, что этого не заметит никто другой! Любому постороннему покажется, что Эстер мне посочувствовала. А вот я считаю, что немедленно упомянуть мое другое увольнение — это что угодно, только не сочувствие.

— Это были сырные палочки. А вообще-то, дело в том, что менеджер хватал меня за задницу, так что пришлось уволиться.

— Ладно... Потратить десятку на вино, Джордж, я тебе возмещу. — Я бормочу возражения. — Марк — член Общества ценителей вина, и он не собирается пить что-нибудь из «Спар».

На заднем плане мой зять Марк бормочет возражения, а потом произносит что-то с вопросительной интонацией.

— Марк хочет поговорить с тобой, — говорит Эстер. Слышится шуршание, и трубку берет Марк.

— Привет, Джордж! — здороваются он. — Мне жаль, что так вышло с итальянским рестораном. Может быть,

пока еще рано, но, как говорится, куй железо, пока горячо. Я знаком с хозяином паба, которому нужен кто-нибудь, чтобы обслужить вечеринку завтра вечером. Этот паб в городе. Там сменилось руководство. Всего один вечер, но заплатят сразу, наличными. Да и сумма приличная, насколько я помню. Сообщить ему твои координаты?

— Да, спасибо, — отвечаю я. Добрый старина Марк.

— Прекрасно. Я уверен, он скоро с тобой свяжется. Удачи тебе.

Снова шуршание: это Эстер вырывает у него телефон.

— Спасибо, дорогой. Ты не мог бы присмотреть за обедом, пожалуйста? — Пауза, пока удаляется Марк. — Это дело непосредственно касается Марка, потому что он рекомендует тебя, и этот человек — его клиент.

Так, начинается.

— Ну и?

— Пожалуйста, не облажайся там.

— Спасибо! — До чего же обидно! — Ну конечно, я же известная лажовщица.

— Ты же знаешь, что я имею в виду. *Пожалуйста*, на этот раз никаких твоих забавных историй, где все пошло наперекосяк, но не по твоей вине. Никаких инцидентов! Я не хочу ни инцидентов, ни твоих оправданий.

— Большое тебе спасибо!

Эстер действительно так считает. Все они так считают. *О, как не повезло! Кажется, неудачи просто преследуют ее, не так ли? Это уже в который раз? Гм-м.* Это злит меня и вместе с тем беспокоит. Я боюсь, что они правы — и тем яростнее выражаю возмущение.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — повторяет Эстер.

— Хочешь сказать, что я бездарная лгунья? Так и запишем.

— О, Гог, не выкаблучивайся. Единственное, чего я прошу, — чтобы ты имела в виду, что дело касается Марка.

«Гог» — это явное манипулирование. Делает меня и мои возражения мелкими и глупыми.

— Понятно, — сдержанно отвечаю я. — Спасибо, Эстер. О, подошел мой автобус.

Я разъединяюсь, прежде чем она успевает ответить.

Я гашу окурок. Что делать? Слоняться одной вечером — плохая идея. У Робина было достаточно времени. И если он спросит: «Почему не предупредила меня», я же звонила, правда? Это не моя вина.

Порывшись в сумке, я нахожу ключ. Он не был преподнесен мне в коробочке с бантом. На нем брелок «Уэст Хэм», так как он принадлежал Феликсу, брату Робина. Тот явился без приглашения к Робину, когда его отстранили после травмы из «Цирка дю Солей». (Может быть, родители Макни полагали, что воспитывают адвокатов и врачей?)

Робин дал мне ключ после скандала. Я тогда бесконечно звонила в дверной звонок, а он не слышал, так как «Роллинг Стоунз» были включены на полную громкость. В конце концов он открыл дверь и увидел не только свою разгневанную девушку, но и очень сердитого соседа. Сосед сильно страдал от смены часовых поясов, и мои непрерывные попытки достучаться до Робина мешали ему спать. («Разве он не знал, что вы должны прийти?» Робин знал, но мне было стыдно в этом признаться. Особенно человеку, который не спал тридцать два часа.)

— Мне жаль, что вы не смогли получить удовлетворение. Не всегда можно получить то, что хочешь. Вы хотели

покрасить мою красную дверь в черный цвет? — спросил Робин, в конце концов появившись на пороге.

— Вот придурок, — сказал сосед.

Когда Робин дал мне ключ, я спросила, в каких случаях им пользоваться? Робин ответил: «В любое время, когда тебе захочется открыть дверь. Ведь для этого они и предназначены, не так ли?»

Итак, он сам это сказал.

5

Постучав в дверь и не получив ответа, я с громким щелчком поворачиваю ключ в замке. Дверь открывается, и передо мной открывается вид на гламурную холостяцкую берлогу. Как всегда, оглушительно гремит музыка. (Робин уже заводил ее на этой неделе: «Это новая Сент-Винсент, совсем недурно. И не столь важно, но у нее задница, как два шоколадных яйца, обтянутых атласной перчаткой».)

Робина нигде не видно. Я зову:

— Робин? Робин...

Никакого ответа. Наверное, стерео меня заглушает. Сейчас он, несомненно, выкладывает на кухне вафли и бургеры.

Прохожу дальше, но Робина все не видно. Правда, я замечаю на диване брошенный синий пакет. Его содержимое льется на подушки — это мороженое. «Вермонстер»¹. Надо бы положить его в морозилку, но сначала все же лучше поздороваться.

¹ Марка мороженого компании «Бен энд Джерри».

Я прохожу на кухню, но там тоже никого нет.

Тогда я вытягиваю шею, чтобы взглянуть на кровать на антресолях. Я уже собираюсь снова позвать: «Робин», но слышу какие-то странные звуки. Они явно не имеют отношения к звуковой дорожке стерео.

Оох ууф

Аааах-ооо

Нет... нет... о господии, да

Я застываю. Меня бросает в жар и одновременно в холод. *Действительно ли я это слышала? Возможно ли это? Происходит ли это на самом деле?* Нет, этого не может быть. Такое случается с другими людьми, но не со мной. Это забавное недоразумение, и все закончится сценкой, которую сейчас разыграет Робин: как *его девушка зашла к нему, когда он занимался йогой*.

Сент-Винсент снова слегка затихает, и на этот раз я слышу:

Ооо АХ

Тебе ведь это нравится, да, скажи, что тебе нравится.

Эта фраза мне знакома. Пошатнувшись, я чувствую позыв к рвоте. Я стою неподвижно, а ритмичная качка на заднем плане продолжается. Теперь уже нет никаких сомнений насчет того, что именно происходит на кровати.

Я не могу смотреть, но не могу и не смотреть. Сосредоточившись на том, чтобы унять дрожь в руках, я на цыпочках иду к металлической лестнице и поднимаюсь на антресоли. Я осторожно ступаю, так как на мне сапожки на каблуках. Мне и в лучшие времена не нравилась эта лестница, когда приходилось спускаться ночью под хмельком в туалет. Как в «Хрустальном лабиринте»¹.

¹ Британское игровое телешоу.

Моя голова показывается над антресолями, потные руки вцепились в алюминиевые перила.

Я вижу, как на большой низкой кровати голый зад Робина поднимается и опускается, словно поршень. Пара тощих белых женских ног обхватила его с двух сторон. Не может быть! Это отвратительно. Господи, неужели мы вот так выглядим, когда занимаемся этим?

До чего же это странно: видеть так близко двух людей, занимающихся сексом, видеть в реальной жизни. Ты же сама этим занималась, ты достаточно насмотрелась на эротические сцены на экране. Да, но быть зрителем, когда половой акт совершается в квартире? Совершенный сюр. Я все еще не совсем верю своим глазам.

И не могу не сравнить. Это происходит гораздо более шумно и неистово, чем у нас. Происходило.

Сделай это Робин сделай это я люблю тебя ааааааххх Лу. Говори. Непристойности.

Эти слова разделяет «пунктуация» — новый толчок. И вдруг, еще не приняв решения объявить о своем присутствии, я рываю:

— КАКОГО ХРЕНА?!

Оба тела дергаются — это шок от того, что я присодинилась к разговору. Робин пытается слезть с женщины и одновременно обернуться — и в результате падает с кровати.

Женщина извивается, стараясь сесть, и я вижу: а) ее запястья привязаны к столбикам кровати шарфами, причем один из них — полосатый футбольный шарф, который я недавно стирала для Робина; б) у нее маленькие груди и татуировка в виде цветка под ними и в) она покрыта какой-то бледной комковатой субстанцией, которая в пер-

вую секунду вызывает у меня испуг. Но затем я понимаю, что это мороженое «Вермонстер».

Женщина смотрит на меня сквозь облако растрепанных каштановых волос, а я гляжу на нее. И вдруг я понимаю, что знаю, кто это: она личный помощник Робина, Лу.

Робин стоит обнаженный, волосы словно парик. Эрекция уменьшилась, словно член поник из уважения к визиту королевы. Робин бледный, цвета пломбира.

— О господи, Джорджина, какого черта ты тут делаешь?

— Меня уволили с работы. А ты что делаешь?

— Что... ну... как ты вошла?!

Похоже, Робин злится на Рок, а не на себя.

— Ты дал мне ключ.

— О, мать твою так... — До Робина доходит истина: творец всех своих несчастий — он сам. Он лопочет: — А ты не думаешь, что тебе следовало сначала постучать?

Меня поражает, что он может качать права в такую минуту.

И тут гнев одерживает верх над шоком, и ко мне возвращается самообладание.

Я подчеркнуто, чтобы он это видел, сверлю взглядом Лу. Ей явно хочется, чтобы ее отвязали: побагровев, она извивается в своих оковах. Затем я снова перевожу взгляд на Робина и наконец смотрю на его поникший член. Мой взгляд поистине испепеляющий.

— Я стучала. Меня было не слышно из-за музыки. Ты жалкий предатель, кусок дерьма.

Быстро спустившись по лестнице, я спрыгиваю с последних ступенек, приземляясь на колени. Робин

гонится за мной, так что у него нет времени одеться. Таким образом, когда я добираюсь до входной двери, передо мной снова предстает совершенно голый мужчина.

Я еще больше ненавижу его за это. Он такой бесстыжий, вовсе и не думает прикрыться. Даже сейчас Робин до некоторой степени актерствует. *Посмотри, как я уязвим. Посмотри, как я бесхитростен.* Я бы предпочла, чтобы его не знающая условностей бесхитростность была скрыта полотенцем.

— Джордж, Джордж, подожди! Мне жаль, — говорит он.

— Мне тоже. Не каждый разрыв сопровождается счетом от врача. Я плохо себя чувствую.

— Разрыв?..

Повернувшись, я смотрю ему в глаза.

— Ты серьезно считаешь, что я останусь с тобой?

— Нет — конечно, не сегодня вечером.

Я в изумлении моргаю:

— Ты что, действительно сошел с ума? Это клинический случай? Все кончено, Робин, мы расстаемся. Неужели ты думаешь, что мы могли бы продолжить отношения после этого?

Робин делает паузу, затем говорит:

— Отношения? Мне... мне кажется, мы не были в отношениях?

Я так поражена, что требуется целая минута, чтобы сформулировать ответ.

Мне с трудом удастся выдать:

— ... *Что?*

— Я полагал, что мы «встречаемся». — Робин изображает в воздухе кавычки. — Не думал, что у нас исклю-

жив... что запрещается встречаться с другими людьми. Вся эта сцена не в моем... стиле.

Я вспыхиваю. Одно дело — сотворить со мной такое, и другое — взваливать на меня *вину*. Притворяться, будто это результат моих неразумных ожиданий.

— Мать твою, ты серьезно?! Ты хочешь вывернуться, притворившись, что наши отношения не *существовали*? Так врут дети. А дальше ты, как ребенок, закроешь лицо руками, считая, что я тебя не вижу?

Робин нарочито громко вздыхает, недоверчиво трясет головой, приглаживает волосы, обдумывая, что сказать дальше. Этот прием он использует на сцене. Господи, какое бесстыдство — выставять на всеобщее обозрение член и яйца!

— Я никогда не видел тебя такой прежде, — бормочет он.

У меня снова отваливается челюсть.

— Может быть, мне уточнить, чего я никогда не видел прежде? *Ты в своем уме?*

Он подбоченивается: Мистер Разумный. Нет, сейчас он уже Мистер Оскорбленный.

— Разве я сказал или сделал что-то такое, что заставило тебя думать, будто я верю в моногамию? Совершенно уверен, я сказал, что не верю.

Я что-то невнятно бормочу. Он словно вор, которого поймали, когда он сунул руку в кассу, а он защищается, утверждая, что все не так, как кажется, и воровства не существует, потому что мы живем с ложными представлениями, созданными ЦРУ. Черт побери, я прихожу в *ярость*.

— Значит, вот какое у тебя оправдание? Ты думал, что мы оба свободны и можем заниматься сексом с другими?

— Ну да, Джорджина. Условия нашей связи никогда не обсуждались. Откуда же мне было знать, что ты думаешь иначе?

— *Тогда зачем прятаться от меня, выключать свой телефон и делать это у меня за спиной?*

— Но не тыкать же тебе это в лицо? Это плохие манеры, да? Ты бы вряд ли стерпела репортаж о том, когда и с кем.

— О, МАТЬ ТВОЮ! КАКОЙ ТЫ ЗАБОТЛИВЫЙ!

Мне нужно уйти отсюда, из этой токсичной атмосферы, и самой во всем разобраться.

Я открываю дверь на лестничную площадку и вижу пару лет тридцати и родителей лет шестидесяти. Их внимание уже привлекла какофония в квартире Робина.

Верный своей натуре, которой чужда застенчивость, мой бывший бойфренд стоит перед ними во всей красе и смотрит на них.

Папа говорит:

— Извините! Вы не возражаете против того, чтобы прикрыть ваши интимные детали? Здесь присутствуют дамы.

— Я на своей личной территории. Это моя квартира. И таким образом получается, что вы проявляете чрезмерное любопытство.

— А вы чрезмерно наглы, — отвечает сын (он же Мужчина-Со-Сменой-Часовых-Поясов). Внезапно он становится моим новым героем.

— В самом деле, нет никакой необходимости выставить ваше хозяйство на всеобщее обозрение, — замечает отец Мужчины-Со-Сменой-Часовых-Поясов.

— Мое хозяйство! Не стоит быть таким чопорным в отношении человеческой анатомии, приятель, — отвечает Робин. — Она прекрасна.

— Заверяю вас, это не так, если смотреть отсюда, — возражает Мужчина-Со-Сменой-Часовых-Поясов.

— Передай мой привет Лу, — обращаюсь я к Робину, выходя на площадку, и услужливо поясняя ошеломленной группе: — Это женщина, с которой я только что его застала. Они занимались сексом.

— О, он наконец-то сделал для вас дубликат ключа? — осведомляется Мужчина-Со-Сменой-Часовых-Поясов.

— Да, но, как выяснилось, у нас никогда не было отношений. — Я развожу руками — дескать, вот какая я дура.

— И в моем баке никогда не было его мусора, — говорит Мужчина-Со-Сменой-Часовых-Поясов. — Он полон дерьма. Совсем как мой бак.

Я с энтузиазмом жму руку Мужчины-Со-Сменой-Часовых-Поясов.

— Приятно было познакомиться.

6

— Это придется сказать мне? Ах, вы парочка... — Клем качает головой, с укоризной глядя на Рэва и Джо. Они безмолвствуют, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Рэв теребит свою темно-синюю манжету, потертую согласно моде. У Джо выражение лица, как у печального мультяшного животного с фермы.

— Что? — спрашиваю я.

Я знаю, они считают, будто я делаю хорошую мину при плохой игре. Однако, как ни странно, я спокойна. Красное вино «Шираз» помогает. Я нашла надежную гавань в бурном море. Это алая кожаная кабинка в пабе под названием «Лескар», вблизи «Бара охотников».

Оказывается, можно пригласить своих друзей выпить в уик-энд без предварительного предупреждения. В том случае, если двое из них вышли из кино, мучимые жаждой, а третья проводит вечер дома, сидя на диете (правда, она все равно уже слопала целый чесночный батон с сыром из «Маркс энд Спенсер»). И если к тому же ты возбуждаешь их аппетит потрясающей историей о коварной измене.

Я не смела надеяться, что этот невероятный вечер пятницы закончится в любимом месте, с моими лучшими друзьями. Однако это так, и я безмолвно возношу благодарственную молитву над свиными ребрышками.

Итак, я снова одна, у меня нет ни работы, ни денег, я живу в съемной квартире рядом с фермой личинок, с худшей соседкой в районе. Зато у меня есть друзья и красное вино.

— Ну же, Рэв, давай! — говорит Клем, и Рэв, кашлянув в кулак, сердито смотрит на нее.

— *Что?*

— О'кей, если никто из вас не собирается ей сказать, это сделаю я. Джорджина...

— О господи, вы ЗНАЛИ, что он встречается с другими женщинами?! — восклицаю я. Эта мысль — словно нож в спину, но не потому, что Робин это афишировал. Ведь если они держали это в тайне от меня, то этот грязный эпизод значит гораздо больше, чем того заслуживает.

— Нет, конечно, мы не знали, дуреха! — возражает Клем. — Почему бы нам тогда было не сказать тебе?

— О, не знаю, — бормочу я.

— Джорджина! — Клем со зловещим видом втягивает воздух. — Мы все считали, что Робин — мерзкий ублюдок.

— О? — говорю я. — Он вам не нравился?

Рэв снова кашлянул, а Джо уставилась в свой стакан с сидром.

— «Не нравился» — это слабо сказано. Мы его терпеть не могли.

— Клем! — вмешивается в разговор Рэв. — Черт возьми, она только что застукала его в постели с другой.

— Ну я же говорю — ублюдок!

После нескольких минут напряженного молчания я начинаю хохотать. Друзья растерянно смотрят на меня, потом тоже начинают смеяться.

— Я думала, ты зальешься слезами и стукнешь меня, — говорит Клем.

— Мне хочется стукнуть себя, — отвечаю я.

Джо кладет ладонь на мою руку.

— Но это, конечно, ужасно для тебя. Мне жаль, что так случилось.

Я глажу ее руку.

— Скатертью дорога.

— Он действительно утверждает, что у вас свободные отношения? — спрашивает Клем, и ее безупречные ярко-красные губы кривятся от отвращения. Она одевается, как член «Палп»¹, даже еще лучше. С головы до ног в винта-

¹ «Палп» — британская рок-группа из Шеффилда, основанная в 1978 году.

же, крашенные рыжие волосы коротко подстрижены. Клем очень острая и резкая — и внешне, и по характеру.

— Он сказал, что считает, будто вы свободно можете спать с другими. Тогда напрашивается вопрос: почему же он никогда об этом не упоминал?

— Он не только ведет себя как последний засранец, но и как газлайтер.

— Что это значит?

— Внушает тебе, что ты полоумная и что это твоя проблема.

— Мы действительно никогда не говорили на тему «Каковы правила насчет того, чтобы спать с другими». Он говорил, что не верит в моногамию, но знаете... Я как-то не думала, что это напрямую относится к нам. Он же познакомился с моими друзьями, с моей семьей.

— Это и означает газлайтинг. — Клем пьет джинс с тоником через соломинку, затем делает гримасу. — Он называл тебя «Официантка». И ни разу не упустил шанс дать понять, что он лучше тебя.

— Я думала, он... ну не знаю... легкомысленный.

Клем закатывает глаза, а Рэв и Джо все еще избегают моего взгляда. И я понимаю, что это досталось мне в наследство от Робина: ощущение неловкости оттого, что я терпела и логически объясняла его гнусное поведение. Оказывается, это все замечали. А еще я буду вечно ненавидеть «Бен энд Джерри».

— А ты знаешь эту женщину? — спрашивает Клем.

— Это Лу — его личная помощница. У них была когда-то интрижка, но я полагала, что она давно закончилась к тому времени, как появилась я.

Робин сказал, что когда-то они с Лу переспали, и я решила, что это было давно.

Я была ошеломлена, когда он это упомянул, так как провела весь вечер в ее обществе, полагая, что у них дружеские, деловые отношения. Мне не пришло в голову, что между ними что-то было. Вообще-то, Лу внешне — моя полная противоположность. У нее длинные каштановые кудрявые волосы, нос пуговкой, тощие ноги в колготках с узором и серебряные туфли с двойной подошвой. Я сразу прониклась к ней симпатией.

Мне всегда приходится внутренне перестраиваться, когда я обнаруживаю, что кто-то уже побывал там, где теперь нахожусь я.

— Она не парилась, реально не парилась, — сказал Робин. И я перевела это следующим образом: не было никаких проблем, когда я ясно дал понять, что это ничего не значит.

Робин сделал паузу.

— Это же не имеет для тебя значения, не так ли? В смысле, кто с кем был?

Нет, для меня это имеет значение, как почти для всех. Вот почему так много популярных песен об этом.

— Нет. Просто я удивлена, вот и все. Не представляю вас вместе.

— Не знаю, можно ли это назвать «вместе». Мы кончили тем, что принимали душ в «Ибис», в Лутоне¹, после битвы едой. Таким образом, это казалось следующим очевидным шагом. Ведь в Лутоне не так уж много других развлечений.

Я морщусь. В эту минуту я определенно не была крутой девочкой, которой хочется услышать детали. И мне

¹ «И б и с» — отель, который находится рядом с аэропортом Лутона.